

6+

ТУТУНИКИ и ГОРОД ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

ЛИЗА
ТУМАНОВА

Лиза Туманова

**Тутуники и город
обязательного счастья**

«Издательские решения»

Туманова Л.

Тутуники и город обязательного счастья / Л. Туманова —
«Издательские решения»,

В Полянке быть несчастным запрещено. Каждое утро тутуники улыбаются по звонку колокольчика, благодарят мэра Пун Пуныча и стараются не замечать, как их белый пух становится серым. Тика Туманка первой понимает: чем громче город говорит о счастье, тем меньше в нём остаётся настоящей радости. Старая фотография, исчезнувшее из словаря слово и загадочный цветок приводят её к тайне, которую Полянка прятала много лет.

© Туманова Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Колокольчик Радости	6
Глава 2. Проверка домашней радости	8
Глава 3. Фотография, которой не было	10
Глава 4. Нижние Кочки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тутуники и город обязательного счастья

Лиза Туманова

© Лиза Туманова, 2026

ISBN 978-5-0070-7802-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тутуник — маленькое круглое существо, наполовину состоящее из мягкого пуха, наполовину — из тумана. Тутуники живут в городе Полянка, чувствуют мир особенно тонко и меняют цвет в зависимости от внутреннего состояния: от правды и надежды их пух светлеет, а от страха, лжи и подавленной печали становится серым.

Глава 1. Колокольчик Радости

Колокольчик Радости звенел каждое утро ровно в семь, и звон у него был тонкий, чистый и настойчивый, как будто кто-то очень вежливо стучал ложечкой по чашке до тех пор, пока все не проснется.

По этому звону полагалось выйти на крыльцо и громко сказать: «Счастлив!» Или «Счастлива!» — если ты тутуничка. Можно было ещё добавить «очень», но это уже по желанию. За «очень» ничего не давали, просто соседи смотрели одобрительно.

Тика Туманка вышла на крыльцо в семь ноль одну. Туман ещё лежал на моховых крышах, круглые окна домов светились жёлтым, и пахло вчерашним дождём и чужими пирогами.

— Счастлива! — сказала Тика.

— Счастлива! — сказала мама у неё за спиной.

Из чайной чашки на подоконнике донеслось тихое:

— Счастлив.

Чашка была старая, белая, с отбитой ручкой. Раньше из неё пил дедушка Тум Тумыч. Теперь он в ней спал.

Это случилось не сразу. Сначала дедушка перестал доставать до верхней полки, где лежали его очки. Потом ему стало велико кресло. Потом кровать. Мама сшила ему постель из носового платка, а вместо дома предложила чашку — там было тепло и не дуло.

— Возрастная серость, — говорили соседи. — Бывает. Главное — побольше радоваться.

Дедушка радовался. По крайней мере, каждое утро он честно говорил колокольчику «счастлив», и голос у него был как шорох сухого листа.

Тика собралась в школу. Школа называлась Учебный Дом Правильных Мыслей, и идти до неё было двенадцать минут — через мостик, мимо доски указов и через угол Площади Общей Радости.

На доске висел свежий указ. Тика остановилась прочитать, потому что указы в Полянке были её тайным развлечением.

«УКАЗ №1148. О размере пирогов. В заботе о лапках жителей отныне пироги выпекаются на четверть меньше. Маленький пирог удобнее держать, легче нести и невозможно уронить. Жители благодарят».

Внизу стояла подпись: «Ваш Пун Пуныч» — и маленькое пушистое сердечко.

— Опять пироги, — сказал Мук Мяк. Он ждал Тику у мостика, как каждое утро, круглый, аккуратный, с портфелем, который его мама каждое утро протирала от следов тумана. — Мой папа говорит, это правильно. Большие пироги — это беспорядок.

— А маленькие — это маленькие пироги, — сказала Тика.

Мук подумал.

— Мэр лучше знает, — сказал он на всякий случай.

На площади уже стояла Тётушка Пухлета и раздавала прохожим ленточки в честь наступающего Дня Малой Благодарности. Ленточки были красные, но какие-то потрёпанные.

— Улыбочку, милочка, — сказала Пухлета, прикалывая Тике ленточку. — Дети — лицо города.

Тика улыбнулась. Она умела. В Полянке это умели все: улыбка надевалась быстро, как варежка.

Вечером, когда мама ушла к соседке за нитками, Тика под села к подоконнику. Дедушка сидел на краю чашки и смотрел в окно. Он был серый. Не грязно-серый, а как туман в ноябре — приглушённый, тихий, безнадёжный. Белым у него оставалось только пятнышко на макушке.

— Дедушка, — сказала Тика, — а ты правда счастлив?

Дедушка долго молчал. Потом посмотрел на неё снизу вверх — а раньше, Тика это точно помнила, он смотрел сверху вниз и казался ей большим, как шкаф.

— Тика, — сказал он тихо. — Мы же не всегда были такими маленькими.

И залез в чашку спать.

Глава 2. Проверка домашней радости

Шуршунчик Скрип пришёл в четверг, после ужина, когда семья Туманок доедала маленький пирог.

Он не постучал громко. Он поскрёбся — вежливо, дважды, — и когда мама открыла, уже стоял на пороге с карандашом и толстой тетрадью на верёвочке.

— Плановая проверка домашней радости, — сказал он. — Не вставайте. Радуйтесь как обычно.

Скрип был худой для тутуника, гладко причёсанный, и пух у него не торчал, а лежал, как приглаженный дождём. Он сел на табурет в углу, раскрыл тетрадь, и карандаш зашуршал.

Тика знала этот звук. Его знала вся Полянка. Когда где-то шуршал карандаш Скрипа, разговоры сами собой становились правильными.

— Вопрос первый, — сказал Скрип. — Довольны ли вы размером нового пирога?

— Очень удобно, — сказала мама. — Легко держать.

Шур-шур, записал карандаш.

Тика смотрела на дедушку. Дедушка сидел на своей чашке и глядел в стол. Когда мама сказала «очень удобно», по его пуху прошла тень — быстрая, как облако по лугу. Серого стало чуть больше. Тика моргнула. Может, показалось.

— Вопрос второй. Хватает ли вам одеял после осеннего сбора пуха?

— Вполне, — сказала мама. — Закалка полезна.

Тень. Ещё чуть-чуть серого. Не показалось.

— Вопрос третий. — Скрип поднял глаза и посмотрел на Тику. Глаза у него были не злые. Они были никакие, как пуговицы. — Девочка. Счастлива ли ты в школе?

В комнате стало тихо. Мамина лапка под столом нашла Тикину и сжала.

— Да, — сказала Тика.

— С задержкой в две секунды, — вслух отметил Скрип и записал. — Ничего страшного. Дети задумчивы. Задумчивость — это почти благодарность.

Он поднялся, аккуратно завязал тетрадь и у двери обернулся.

— У вас уютно, — сказал он. — Серость дедушки рекомендую лечить радостью. Утренняя гимнастика улыбки, десять минут. Хорошего вечера.

Дверь закрылась. Мама ещё минуту сидела не двигаясь, потом встала и начала очень быстро мыть посуду, хотя посуды было три тарелки.

Тика подошла к подоконнику. Дедушка стал серее, чем утром, — теперь и пятнышко на макушке было не белое, а сливочное, как разбавленное молоко.

— Дедушка, — прошептала Тика. — Ты посерел, когда мама сказала про одеяла. Я видела.

— Мгм, — сказал дедушка.

— И когда я сказала «да» про школу.

— Мгм.

— Почему?

Дедушка вздохнул. Вздох у него был крошечный, но очень взрослый.

— Ложь, Тика, штука тяжёлая. Кто-то её говорит, а кто-то глотает. А я старый, я больше не могу глотать. Вот она во мне и оседает. Как зола.

— Но мама же не врала. Она просто... вежливо ответила.

— Да, — согласился дедушка. — В Полянке это так и называется.

Ночью Тика лежала и слушала, как за стеной мама тоже не спит — половицы поскрипывали туда-сюда, туда-сюда. А Тика думала про простую вещь, от которой почему-то холодело в животе.

Если серость лечится радостью, а радуются в Полянке все и каждый день, по колокольчику, — почему тогда город с каждым годом всё серее?

Глава 3. Фотография, которой не было

В воскресенье мама ушла на Урок Общей Благодарности — для взрослых он был раз в неделю, и пропускать его было «не то, чтобы нельзя, но лучше не надо».

Дедушка дождался, пока дверь стукнет, и сказал:

— Сними меня с подоконника. И достань из-под моей старой кровати жестяную коробку. Только тихо.

Коробка была из-под чая, с нарисованным чайником и стёршейся надписью. Внутри лежали пуговица, засохший белый цветок, свёрнутая в трубочку бумага и фотография.

— Смотри, — сказал дедушка.

На фотографии была Площадь Общей Радости. Тика узнала её не сразу, потому что площадь была — не та. На той, на старой, всё стояло вкривь и вкось: лавки с пирогами, бельевая верёвка прямо поперёк угла, кто-то забыл на скамейке шарф. Тутуники на фотографии были большие. Не огромные — просто нормальные, ростом с маму, ростом с булочника, и все белые, белые до рези в глазах. Двое спорили, размахивая лапками. Один смеялся так, что зажмурился. У фонаря росли белые цветы, целая клумба, как сугроб.

А с краю, возле лавки, стоял тутуник в аккуратном шарфике и улыбался в объектив.

— Это кто? — спросила Тика.

— Это Пун Пуныч, — сказал дедушка.

Тика поднесла фотографию к глазам. Тутуник в шарфике был обычного роста. Меньше булочника. Он стоял на цыпочках, чтобы попасть в кадр.

— Не может быть, — сказала Тика. — Пун Пуныч огромный. Он выше башни почти. Он всегда был...

— Никто не бывает «всегда был», — сказал дедушка. — Я тогда работал хранителем городских историй. Была такая работа: помнить. Я эту фотографию сам снимал. За год до того, как он пообещал нам полное счастье.

— А потом?

— А потом счастье всё время немножко откладывалось. А он всё время немножко рос. Мы сначала шутили: вон, говорим, как забота его раздувает. Потом перестали шутить. Потом перестали говорить. А потом... — дедушка посмотрел на свои серые лапки, — потом стало как-то не до разговоров.

Тика перевернула фотографию. На обороте карандашом было написано: «Полянка. Праздник урожая» — и год, который в школе называли Годом Беспорядка.

— Нам говорили, что тогда было плохо, — тихо сказала Тика. — Что все ссорились, и был шум, и никто ни за чем не следил.

— Ссорились, — кивнул дедушка. — И шум был. Знаешь, Тика, живой город — он вообще шумный. Это тихим он становится по другим причинам.

Внизу хлопнула дверь — мама вернулась раньше времени. Тика едва успела сунуть фотографию в коробку, а коробку под кровать.

Но мама всё равно увидела. По одному тому, как Тика стояла посреди комнаты, она увидела всё сразу — так умеют только мамы. Она молча прошла, достала коробку, подержала её в лапках, будто взвешивая, и убрала на самый верх шкафа, за банки.

— Мама...

— Этого не было, — сказала мама. Голос у неё был ровный и очень усталый. — Тика. Пожалуйста. Этой коробки не существует. Ради дедушки. Ради меня.

Она ушла на кухню и загремела чайником.

Тика посмотрела на дедушку. Дедушка посмотрел на Тику.

И вот тогда Тика заметила то, отчего у неё защипало в носу: пока они разглядывали фотографию — все эти десять минут, пока дедушка рассказывал и смеялся одними глазами, — серость на нём чуть-чуть, самую малость, отступила. На макушке снова белело настоящее белое пятнышко.

Значит, это работает в обе стороны, подумала Тика.

Значит, это работает в обе стороны.

Глава 4. Нижние Кочки

С Шушей Шуршой Тика столкнулась в школьной раздевалке — в буквальном смысле: Шуша вылетела из-за вешалок, как выпущенная рогаткой, и они стукнулись лбами.

— Смотри, куда стоишь, — сказала Шуша и вдруг прищурилась. — О. Ты та самая, которая вчера спросила у Круглины, куда деваются старые газеты.

— Я просто спросила...

— Ага. «Просто». — Шуша оглянулась на дверь и понизила голос. — Хороший вопрос, между прочим. Неправильный. Люблю неправильные вопросы. Хочешь, покажу кое-что после уроков? Только этого своего не бери, — она кивнула на Мука, топтавшегося поодаль, — у него папа в Совете Благодарности.

— Он мой друг. Или обоих, или никого.

Шуша посмотрела на Тику долгим взглядом, будто взвешивала на глаз.

— Ладно, — сказала она. — Обоих. Но если он хоть пискнет — я скажу, что вы за мной следили.

Шуша жила в Нижних Кочках. Официально район назывался «местом скромной лёгкости», и на карте в школьном коридоре он был покрашен приятным салатовым цветом. Идти туда пришлось долго, вниз, мимо прачечной пуха, из труб которой пахло мылом и чем-то праздничным.

А потом кончились фонари.

Тика поняла это не сразу — просто заметила, что стало темнее, хотя до вечера было далеко. Дома в Кочках были такие же круглые, как везде, только мох на крышах рос клочками, а в некоторых окнах вместо стёкол была натянута вощёная бумага.

И жители были другие. Тика знала, конечно, что в Полянке многие сереют. Но в её квартале серость была как седина — у кого-то бок, у кого-то спинка. Здесь серыми были все. И маленькими. Тутуничка, развешивавшая бельё, была ростом Тике по плечо, хотя по лицу — взрослая, старше мамы.

— Тётя Прося, — сказала ей Шуша. — Это ко мне.

Тётя Прося кивнула и улыбнулась. Улыбка надета, отметила Тика. Как варёжка. Даже здесь.

— Почему они все... — начал Мук и не договорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.